

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК АРКАИМ: ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЕ СМЫСЛЫ ВОСПРИЯТИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Людмила Борисовна Зубанова,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
milazubanova@gmail.com

Наталья Львовна Зыховская,

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия,
ladoga122@gmail.com

Мария Львовна Шуб,

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Россия,
shubka_83@mail.ru

Получена 18.09.2023.

Поступила после рецензирования 18.01.2024.

Принята к публикации 29.03.2024.

© Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л., 2024

Для цитирования: Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Археологический памятник Аркаим: практики освоения и субъективные смыслы восприятия мемориальных ландшафтов // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 90–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90

Аннотация

В статье рассматривается проблематика мемориальных ландшафтов – локусов, совмещающих двойственную номинацию: «места памяти» (объективная культурно-историческая ценность) и «места силы» (сакральный или мистический статус в субъективных представлениях аудитории). В статье анализируются мотивационные и поведенческие стратегии посетителей археологического памятника Аркаим, находящегося на территории Южного Урала. Аркаим не только репрезентирован в сознании общественности как археологический памятник и природно-культурный заповедник, но и связан со «шлейфом» мистических и эзотерических интерпретаций. Содержательной доминантой проведенного авторами исследования стала фиксация действенных практик освоения мемориального ландшафта и выявление субъективных смыслов, вкладываемых в эти практики посетителями Аркаима. Используемые методы исследования: массовые опросы посетителей (380 человек), глубинные интервью (беседа с 40 информантами), полевое включенное наблюдение и фотофиксация (пять полевых экспедиций в 2023 году). Разнообразие материализованных практик освоения Аркаима представлено в двух основных типах: материально-предметном и ритуально-поведенческом и анализируется с опорой на концепт «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума. Приводятся результаты опроса, фиксирующие ключевую мотивацию посещений, практики включенности различных групп в освоение мемориального ландшафта. Даются выдержки из интервью, связанные с описанием психологических ощущений посетителей Аркаима. Делается вывод о специфическом типе экзистенциального паломничества, характерном для посетителей Аркаима. Обобщаются ключевые характеристики, обеспечивающие интерес аудитории к мемориальным ландшафтам (историчность, мифологичность, нарративность); систематизируются факторы, способствующие посещению подобных мест: потребность выхода за пределы повседневно-обыденной рамки жизни, урбанистическое давление, «духовная миграция».

Ключевые слова:

идентичность, мемориальные ландшафты, Аркаим, «место памяти», «место силы», паломничество

Источники финансирования:

статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект: «Материализованная

идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника “Аркаим”»).

UDC 304.444

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_90

THE ARCHEOLOGICAL SITE OF ARKAIM: DEVELOPMENT PRACTICES AND MEANINGS IN INDIVIDUAL PERCEPTION OF MEMORIAL LANDSCAPES

Ludmila B. Zubanova,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
milazubanova@gmail.com

Natalia L. Zykhevskaya,

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia,
ladoga122@gmail.com

Maria L. Shub,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russia,
shubka_83@mail.ru

Received 18.09.2023.

Revised 18.01.2024.

Accepted 29.03.2024.

For citation: Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L., & Shub, M. L. (2024). The Archeological Site of Arkaim: Development Practices and Meanings in Individual Perception of Memorial Landscapes. *Discourse-P*, 21(2), 90–110. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90

Abstract

The article deals with memorial landscapes-loci that combine two characteristics: “places of memory”, i.e. these places possess objective cultural and historical value, and “places of power”, i.e. they have sacral or mystical status in individual perceptions. We analyze motivational and behavioral strategies of those who visit the archeological site of Arkaim, located in the Southern Urals. Arkaim is represented in the public consciousness not only as an archaeological site and a natural and cultural reserve, but it is given mystical and esoteric interpretations. The research aims firstly to represent ef-

fective practices in developing this memorial landscape and secondly to identify those individual meanings contributed to these practices by Arkaim visitors. We used mass surveys of visitors (380 people), in-depth interviews (with 40 informants), field overt observation and photo-fixation during our five field expeditions in 2023. The diversity of materialized practices in Arkaim development could be arranged in two main types: materialistic and ritual-behavioral. Furthermore, these types should be analyzed through the concept of *invented tradition* developed by E. Hobsbawm. The results of the survey include the key motivation for the visit, practices of involving different groups in the development of the memorial landscape; they also contain excerpts from the conducted interviews describing emotions experienced by the visitors to Arkaim. A conclusion is made in regard to a specific type of existential pilgrimage that Arkaim visitors perform. The key features ensuring interest of the audience in memorial landscapes have been mentioned as *historicity, mythology, narrativity*. Factors inducing to visit such places are systematized, among them desire to overcome the framework of daily routine, urban pressure, “spiritual migration” should be emphasized.

Keywords:

identity, memorial landscapes, Arkaim, “place of memory”, “place of power”, pilgrimage

Funding:

the article was prepared under the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-20098 (regional competition of the Chelyabinsk region), project: “Materialized identity: the construction of memory in the socio-economic perspective (on the example of the archeological monument “Arkaim”)”.

Введение

Исследования современного состояния социокультурного поля в различных сегментах его представленности все чаще сопровождаются своеобразным «мемориальным шлейфом» – обращенностью к истокам, корням, культурной памяти: от фиксации на трагических страницах истории до ностальгических воспоминаний о «светлом прошлом». Как стоимость цифровых гаджетов во многом определяется содержащимися в них объемами памяти, так, как нам видится, и востребованность актуальных сфер реальности зависит от мемориальной ценности транслируемых смыслов, символических значений, множественных интерпретаций образов прошлого.

Особое место в мемориальном дискурсе принадлежит исследованиям мемориальных ландшафтов как части Cultural Landscape Studies – культурного ландшафтоведения (Каганский, 2009). Мемориальные ландшафты

попадают в категорию «проживаемых пространств» (Тишков, 2004), «почитаемых мест» (Виноградов, 2002), «священных мест» (Трофимова, 2014), «культовых мест» (Любимова, 2021), «мест памяти» (Нора, 1999) – локусов, обладающих в представлениях людей особой символической выделенностью и сакральным статусом. Введенный М. Элиаде термин «иерофания», распространяемый в том числе и на мифологизацию пространств, подчеркивает значимость ореола таинственности, придающего объекту эту сакральную ценность (Элиаде, 2001).

Такие места становятся пространством материализованной идентичности – в них наиболее отчетливо переживается принадлежность к сокровенному (корням, истокам, истории, жизненным силам, энергиям – вариативность обнаруживаемых смыслов зависит от субъективного ожидания акторов), ощущается целостное единство «Я» и окружающего мира.

Объектом исследования в настоящей статье является конкретное место конструирования памяти – Аркаим (археологический памятник, музей и инфраструктура, расположенные в Брединском районе Челябинской области).

Археологический памятник Аркаим, принадлежащий к древнейшей аркаимско-синташтинской культуре (условное название «Страна городов») – поселение эпохи бронзового века (XXI–XVII вв. до н.э.), открытое археологами Челябинского государственного университета в 1987 году. Практически одновременно с историей научного освоения памятника, разворачивается и его нео-мифологическая интерпретация, способствующая популяризации «эзотерического туризма». Находящиеся на территории заповедника и в различных частях так называемой Аркаимской долины горы получают «народные» названия – Гора Любви, Гора Богатства, гора Здоровья (Покаяния), Лестница Богов, Гора Разума – и наделяются в массовом сознании соответствующими сакральными смыслами и значениями.

Исследовательская логика обращена к истории популяризации Аркаима в массовом сознании, к спорным ситуациям (стереотипам, разнообразным трактовкам, рождающимся на пересечении научного и обыденного знания), которые влияли и продолжают влиять на процесс освоения памятника как мемориального ландшафта. Научная проблема формулируется на перекрестке трех исследовательских полей: культурологии (в части исследования проблем идентичности, материализованной в мемориальных ландшафтах, к каковым относится археологический памятник Аркаим), социологии в части исследовании социальных проблем (в условиях поляризации мнений и обострения межкультурных конфликтов, в том числе конфликтов групп, занимающих разные идеологические позиции в освоении и присвоении символического капитала археологических памятников), наконец, науковедения (исследующего вопросы развития научного знания, его интеграции с публичной сферой и трансформации, которым научное знание подвергается в условиях медиатизации общественной жизни). Эти исследовательские поля пересекаются в локальном кейсе Аркаима, представляющего собой пространственно-временной

феномен, материализованный как в конкретных объектах, так и в масштабной инфраструктуре памятника и самом ландшафте, превращенном в часть общего производства исторической памяти.

Осмысление Аркаима именно сквозь эту трехчастную оптику и обеспечивает представленной статье актуальность и ее новизну в сравнении с наличествующими исследованиями, посвященными «феномену Аркаима». Сквозным для всех трех подходов аспектом изучения проблемы является исследование:

- реальных мотивов посетителей памятника (а не умозрительных представлений о данных мотивах);
- материализации символических значений;
- формирования стереотипов и устойчивых образов, играющих важную роль в функционировании меморативного ландшафта и их проекции в коллективном сознании.

Данные задачи были детерминированы (помимо прочего) необходимостью гармонизации социальных отношений на основе своевременного выявления лакун в освоении памятника и его символического капитала, занимаемых социальными ансамблями деструктивной направленности.

Реализация исследовательского этапа осуществлялась в рамках разработанной авторской методики изучения мнений и практик включенности посетителей в освоение археологического памятника «Аркаим».

Основные используемые методы:

1) массовый опрос (в форме анкетирования на территории лагеря; принцип отбора респондентов – сплошной охват посетителей, находящихся в открытом для взаимодействия доступе на территории лагеря; ограничения по участию – личный отказ респондентов от ответов на вопросы исследователя);

2) индивидуальные глубинные интервью (предложение исследователя в завершающей стадии анкетирования, формулируемое как вопрос-фильтр: «Если у Вас есть желание и готовность рассказать о каких-то личных открытиях, необычном опыте, истории восприятия или иных аспектах, связанных с посещением Аркаима, можно ли будет их записать на диктофон?»);

3) открытое нестандартизированное наблюдение с фотофиксацией, осуществляемое непосредственно в условиях полевых экспедиций (пять экспедиций исследователей в Аркаим в период туристического сезона: в мае, июне, июле, августе, сентябре).

Отбор респондентов основывался на стихийной выборке (в основе – устное согласие любого респондента, попадающего в зону взаимодействия с исследователем, принять участие в опросе), репрезентативность которой достигалась за счет максимального стремления к соблюдению пропорциональности квот по признаку пола и возраста опрашиваемых. Поскольку проведение опроса осуществлялось в туристическом лагере и несанкционированных местах стоянок посетителей, точный показатель генеральной совокупности не поддавался учету (отсутствие регистрации приезжающих). Тем не менее,

исследователи ориентировались на средние данные проходимости туристических потоков, озвучиваемые работниками музея-заповедника, а также личными наблюдениями. С допущением некоторых погрешностей можно говорить о выборке 10 % от общего числа посетителей за указанный период. Тем не менее, репрезентативность выборки подтверждалась заметной консолидацией ответов по ключевым содержательным позициям, отсутствием новых (ранее не фиксируемых) явлений.

Изучение мнений туристов и фиксация практик освоения мемориального ландшафта осуществлялись по разработанному методическому плану, предполагающему уровневый анализ данных, направленных на воссоздание портрета посетителя и типичных поведенческих стратегий.

Первый уровень: систематизация социально-демографических характеристик. Исследуемые параметры: половозрастные и территориальные маркеры включенности.

Второй уровень: анализ воздействия информационного «шлейфа» места. Исследуемые параметры: информационная вовлеченность (востребованность информации об Аркаиме, ключевые источники информирования, регулярность и интенсивность информационных контактов, тип информационных стимулов, способствующих личному посещению), визуальное сопровождение личного присутствия (сделанные фотографии, размещение фотографий на страницах личных аккаунтов, публичных сообществ).

Третий уровень: побудительно-мотивационная активность посетителей. Исследуемые параметры: регулярность контактов с местом; логистика персональных и групповых выездов (самостоятельно организованные посещения, туристические туры, групповые выезды), ключевые маркеры привлекательности места (ландшафтные, мемориальные, просветительские, коммуникативно-психологические, эзотерические компоненты и стимулы); практический и объектно-предметный аспекты включенности (избираемые места и объекты для посещения, распределение туристических потоков по различным локациям внутри мемориального ландшафта).

Четвертый уровень: ценностно-идентификационные и поведенческие сценарии присутствия. Исследуемые параметры: манифестируемые приоритеты и ценностные доминанты восприятия мемориального ландшафта; характер мотивационного запроса (в логике: «ожидание – реальность»); типичные практики индивидуального и группового освоения мемориального пространства (материально-объектные и ритуально-поведенческие).

Инструментальное обеспечение работ – стандартизированная анкета, тематический гайд беседы, бланк протокола наблюдения и план фотофиксации объектов.

К моменту написания статьи осуществлены пять полевых экспедиций в 2023 году; обобщены результаты опроса 380 респондентов – посетителей Аркаима (мужчины – 30 %, женщины – 70 %); проведены 40 глубинных интервью с информантами, согласившимися на длительную беседу с исследователями.

Результаты исследования

Материализованные практики освоения Аркаима предстают в двух основных типах: *материально-предметном* и *ритуально-поведенческом*. Прежде всего, разумеется, можно говорить об институциональных, организованных музеем-заповедником Аркаим экскурсиях, просветительских и праздничных (фольклорно-исторических) мероприятиях.

Однако, больший интерес вызывают виды действий, создаваемых и направляемых самими посетителями. В понимании этих стихийно сконструированных и повторяющихся действий мы можем опираться на концепт «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума: «Изобретенная традиция – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» (Хобсбаум, 2000, с. 48).

К числу наиболее распространенных действий по освоению пространства Аркаима можно отнести следующие:

– использование камней для создания сооружений, имитирующих так называемые «обо» (культовые объекты тюрко-монгольских народов Центральной Азии, места поклонения степным духам) (фото 1);

Фото 1 – Современный вариант «обо»

Picture 1 – A modern version of “obo”

– завязывание ленточек в специально сконструированных («Дерево желаний») или стихийных местах (фото 2);

Фото 2 – «Дерево желаний»

Picture 2 – “WishTree”

– рукотворное конструирование маршрутов – рукотворные (выложенные камнями или протоптанные среди травы) круги на вершинах гор, предусматривающие движение человека по спирали (фото 3); считается, что желание сбудется, если загадываешь его, находясь в центре спирали;

Фото 3 – Спиральные маршруты

Picture 3 – Spiralroutes

– создание импровизированных «жертвенных алтарей» – оставленные предметы, монеты, зерна и т.п. (фото 4);

Фото 4 – Жертвенный алтарь

Picture 4 –Sacrificial altar

– нарративные послания индивидуального или обезличенного (абстрактного) характера (фото 5);

Фото 5 – Нарративное послание

Picture 5 – Narrative message

– практики медитации – индивидуальные или коллективные; созерцательные или действенные – осуществляемые самостоятельно или модулируемые человеком, выполняющим функции духовного наставника (фото 6);

Фото 6 – Практики медитации

Picture 6 – Meditation practices

– индивидуальные или групповые восхождения на горы, находящиеся на территории Аркаима (Гора Здоровья/Покаяния, Гора Любви, Шаманка, Гора Богатства, Гора Счастья, Гора Разума и другие) и совершение ритуала хождения по выложенным спиралевидным маршрутам (зачастую с поднятыми к солнцу руками) (фото 7).

Фото 7 – Горные восхождения

Picture 7 – Mountain climbing

По сути, среди представленных материально-предметных и поведенческих практик, реализуемых посетителями Аркаима, не наблюдается какой-то выраженной эксклюзивности. Так, ряд исследователей (Алексеев, Иванова, 2012;

Сандыбаева, Альжанова, 2019) относят к числу типичных обход сакральных мест, зажигание свечей, оставление пищи или денег, привязывание лент и кусочков ткани, прикосновения к камням и другие.

В архитектонике мемориальных ландшафтов в целом, и Аркаима в частности, можно выделить 3 ключевых зоны: доминанта включенности – обязательные для посещения объекты; освоенные локусы – значимое, но не обязательное присутствие; периферийные зоны – не относящиеся к числу востребованных и максимально освоенных.

Чаще всего в ответах на вопросы анкеты респонденты называли в качестве обязательных действий на Аркаиме:

- восхождение на горы, находящиеся на территории Аркаима – 71,7%;
- принять участие в физических и духовных практиках (медитациях) на природе – 54%;
- встретить восход солнца в степи – 52%;
- поехать на горы, расположенные в нескольких километрах от лагеря – 40,2%.

В числе популярных фигурировали:

- принять участие в профессиональной экскурсии – 36,9%;
- прикоснуться к каменным глыбам в Долине Камней, сделать «каменный дольмен» своими руками – 30,3%;
- сделать интересные фотографии – 20,6%;
- просто провести время с компанией друзей, посидеть у костра – 18,4%;
- приобрести необычные сувениры – 17,3%;
- участие в ритуале завязывания ленточек для исполнения желаний – 15,9%;
- самостоятельно совершать жертвенные приношения, рассказать о сокровенных желаниях 10,7%.

Сами опрошенные, как правило, не выстраивают какой-либо целенаправленной и идеологически-осмысленной программы соблюдения ритуала, не могут обосновать на какие источники (религиозные, духовные, мистические) они опираются в воспроизведении данных практик и объясняют следование им неформальными и не институциональными аспектами: «так рассказывали друзья, знакомые» (82%). К. Трофимова, анализирующая специфику конструирования священных мест в мультикультурной среде на примере святилища «Зайде Башче» в Сербии, рассматривает аналогичный пример не институционализированных, а стихийно формируемых народных культовых мест: «Само место, отражая различия, наполняется дискурсами, которые образованы включенными во взаимодействие акторами. Взаимосвязь этих дискурсов образует сложное смысловое содержание того или иного места. Место возникает, наполняется смыслом или смыслами благодаря нарративам, которые “рассказываются” о нем и связывают место с социальными практиками людей» (Трофимова, 2014, с. 214).

Современные модификации паломничества, демонстрирующие эффект «доктринальной эклектики» (Ваторопин, Костина, Подергина, 2017, с. 56),

отражают целый спектр возможных мотивов присутствия в «месте силы». Если говорить о смысловой наполненности действий посетителей и – шире – мотивах посещения Аркаима, то здесь, как показывают результаты опроса, наиболее четко проявлены следующие стимулы личной мотивации:

- напиться целительной энергией, духом и силой места – 61,9 %;
- задать себе вопросы о смысле жизни, понять себя – 42,3 %;
- прикоснуться к истории человечества, ощутить связь с прошлым – 40 %;
- побывать на природе, увидеть степь, встретить рассвет в горах – 39,5 %;
- интересно провести время с друзьями, единомышленниками – 32,6 %;
- изучить историю места, увидеть археологические находки – 27,5 %.

Как видим, лидирующие позиции ответов связаны с обращенностью к «энергетической» трактовке Аркаима, во многом популяризированной в публичном поле астрологом Тamarой Глобой и писателем-стариком Михаилом Задорновым, выступившим в 2008 году сценаристом фильма «Аркаим – стоящий у Солнца». В целом, мистический «шлейф», сопровождающий историю существования многих мемориальных пространств, становится для туристов и паломников одним из ключевых стимулов посещения. Так, например, Т. А. Артамонова, исследующая территории на Алтае (Уймонская долина) и Гималаях (долина Киннаура в штате Химачал-Прадеш), также отмечает, что среди туристов распространено мнение об особой энергетике данных природных территорий и необходимости их посещения как «мест силы» (Артамонова, 2018, с. 78).

Подчеркнем, однако, что часто воспроизводимый посетителями образ Аркаима как «места силы» далеко не всегда ассоциируется в их сознании с эзотерическими и мистическими коннотациями. В ответе на вопрос анкеты: «Существует точка зрения, что Аркаим – это место духовной силы и особого энергетического воздействия на человека. Как бы вы определили свое отношение к этой точке зрения?», 28 % респондентов полностью солидаризировались с высказанным суждением, но чаще фигурировал вариант ответа: «отношусь с интересом и ощущаю на себе силу этого места, но это не мистическая трактовка» (46 %).

Большинство информантов, принявших участие в интервью, настаивали на собственной дистанцированности от понимания «энергетики» как сверхъестественного начала.

Из материалов интервью:

– Вот эти все мистические вещи – это не про нас, это сказка про белого бычка. Но, знаете, с чем могу это сравнить: вот были мы в Великом Новгороде, проехали по всем монастырям и церквям. И вот оказались мы в женском Варлаамово-Хутынский монастыре. Вот там просто хорошо, оказываешься там, и такое впечатление, что тебя каким-то куполом обволакивает. И вот такую силу я ощущаю, это не мистика – это другое. И здесь так. Я, вот, например, оказывалась в католических соборах – и это не мое, оно меня отталкивает. И, по-

жалуй, оказываясь в таких местах как Аркаим, мы эту связь с духовным наследием чувствуем (*Марина, 65 лет, Магнитогорск*).

– Я верю в тонкие миры, в эзотерику, верю в то, что есть мир, который нами не изучен. И до изучения нам еще сотни и сотни лет. Мы и океан пока изучить не смогли до конца, космос только осваиваем. Тайн много еще в природе. А уж если о тонких материях говорить – что такое душа, привидения – ничего ведь не понятно! Поэтому, я верю, верю, что это место особое. Я не принадлежу к каким-то эзотерическим группам, но верю, что много непознанного разумом остается. Те, кто так ярко заявляет, что ничего подобного не существует, просто не могут себе позволить усомниться, допустить вероятность иного. И Хокинг говорил о высшем разуме, и Циолковский верил в иные цивилизации (*Сергей, 26 лет, Челябинск*).

– Здесь когда-то мои родители на горе повязали ленточку, мечтая о ребенке. И с тех пор считается, что я – дитя Аркаима. Впервые я здесь оказалась в 2019 году. И как-то это место подарило мне умиротворение, с тех пор и приезжаю – уже четвертый раз. Про все эти энергии... не знаю, я – скептик. Это, наверное, история из 90-х, когда всякие подзарядки воды были и прочее. Хотя, если так много людей сюда приезжают постоянно, то, возможно, что-то своей энергетикой здесь и подзарядили. Для меня это просто личный биографический факт, личная семейная история. Интересно ее соотносить с особым местом. Мне интересны археологические места, вся история сопротивления археологов, которые боролись за это место (*Анастасия, 23 года, Челябинск*).

Д. А. Гусенова, исследующая многообразие подходов к смысловому разграничению паломничества и туризма, говорит о паломничестве, мотивированном религией (или «настоящее паломничество»), при котором пилигрим не интересуется историко-культурным значением места, а проводит время в медитациях, молитвах и совершении религиозных обрядов; ученый выделяет и паломничество на почве знания: «Это духовное или религиозное вдохновение смысла путешествия, объектами которых могут быть элементы природно-географической среды (горы, реки), культовые сооружения, общественные места для проведения религиозных и культовых видов деятельности, ритуалов или празднеств» (Гусенова, 2016, с. 108). Как подчеркивает С. Ю. Житенев, в современных условиях понятие «религиозного паломничества», в целом, трансформируется в сторону практик социокультурной идентичности и уже не предполагает обязательности сакральных ритуалов (Житенев, 2010).

Среди посетителей Аркаима, как показывают предварительные результаты проведенного опроса (исследовательская группа планирует увеличить

выборку респондентов в экспедициях 2024 года), доминирующим становится тип экзистенциального паломничества, связанный с поиском ответов на смысло-жизненные вопросы.

Из материалов интервью:

– Слышал от разных людей об Аркаиме. И период жизни тогда у меня был довольно тяжелый: дети сильно болели, супруга болела. И решил съездить, чтобы как-то эмоционально перезагрузиться, как-то выйти из давящей той ситуации... Я далек от мистики, я не шаман, не маг, не все в таком духе. А вообще, со временем я понял, что сюда едут три типа людей: первые – те, кто просто хотят отдохнуть; вторые – с серьезным внутренним запросом, этих людей видно сразу; а третий – эзотерики, которые ищут место силы. Я тоже свой внутренний вопрос разрешил – мне нужна была смысловая перезагрузка. Побыл наедине с собой, постарался посмотреть на ситуацию со стороны. Кстати, когда вернулся – решил пойти учиться на психолога, сейчас уже и диплом защитил. Я сейчас стремлюсь рассказывать другим людям о нем. Здесь ничего нет, вроде бы, но тебе хорошо. Вообще, я заметил: сначала Аркаим работает с тобой, а потом – через тебя – с другими людьми (*Юрий, 32 года, Челябинск*);

– Говорят ведь на это место – колыбель цивилизации. Видимо, не зря... Будто к родному дому приезжаешь. Поэтому и возвращаешься сюда постоянно. Конечно, хочется, чтобы не было тут пьяных, случайных людей, чтобы могли с детишками семьи приезжать. Не дело здесь – медовуху продавать... Должен быть порядок, это место важно сохранить, это же особое место, оно духовный жизненный путь открывает. Сюда важно ехать за смыслами, это должно быть ценным, важно понять ценность этого места (*Земфира, 60 лет, Тюмень*).

Для человека, ориентированного на посещение подобных мест, характерно переживание неких пороговых или переходных состояний «лиминальности» – как отделения от набора прежних культурных состояний (Воронкова, 2013, с. 73) и перехода в фазу «обновленного себя».

Подобный переход может оцениваться как «путь из профанного, неподлинного в сакральное, подлинное, как выход в иные пространства бытия, как временное освобождение от ролевого, статусного и иного контроля со стороны общества; в реальности представляет собой смену инстанций социального контроля и санкционированности» (Ваторопин, Костина, Подергина, 2017, с. 55).

Из материалов интервью:

– Я работающий пенсионер, так ребята мои на работе мне говорят: «Дядя Тимур, чего ты какой-то сам не свой?» А я отвечаю –

мне уже пора ехать батарейки заряжать. И здесь на Аркаиме – будто в новое измерение вхожу. И вот приезжаешь – окрыленный, заряженный энергией обратно – а вокруг та же серость... и люди, которые больше на материальные блага ориентированы. Земля Аркаима дает возможность человеку раскрываться. Я здесь Истину нахожу (*Тимур, 62 года, Тюмень*);

– Я после Аркаима приезжаю очень наполненной, мне этого ощущения на год хватает. Первый раз здесь 10 лет назад была. И стараюсь ездить периодически. Узнала об этом месте случайно, хотя случайного ничего не бывает. Сначала я не очень поняла про это место. А потом, когда шла на гору, ходила по спирали – что-то особое и новое для себя ощутила. Верить ты или нет, но наполняешься силой этого места. Природа дает эти потоки энергий, надо больше босиком ходить (*Елена, 29 лет, Екатеринбург*);

– Мне одна женщина посоветовала сюда съездить, сказала, что здесь совсем другая энергия. Она гаданием занимается, приезжает, чтобы сил набираться. Я сама гаданием не увлекаюсь, но решила тоже побывать. Два года собиралась, вот, наконец, приехала. И вот будто переродилась даже! Не знаю, может это и самовнушение... Я вчера не смогла на гору Любви подняться, потом собрала себя, прошла одну спираль и спала потом так хорошо. Знаете, такое ощущение в организме, будто все ненужное отпало. Будто новые силы обрела теперь (*Инна, 47 лет, Стерлитамак*).

В целом, как показывали результаты наблюдений за посетителями Аркаима, отсутствие доминанты как в «символике посещения» (смыслы, мотивы), так и в «прагматике посещения» (реализуемые действия) способствуют универсальности и открытости мемориального ландшафта для реализации самых разнообразных социокультурных запросов. При этом, как подчеркивают исследователи (Загидуллина, 2017; Куприянова, 2021), формирование противоречивого образа Аркаима, своеобразная борьба дискурсов относительно статуса данного места – от сугубо исторических фактов до вольных эзотерических интерпретаций – связаны с трансфером археологического знания в публичную (прежде всего медийную) сферу.

Заключение

Мемориальные ландшафты, на наш взгляд, обладают тремя ключевыми характеристиками, обеспечивающими устойчивый интерес к ним аудитории.

Историчность – ценность ландшафта как события Истории, легитимная «проверка временем» и связь времен в незавершенном движении от прошлого – к настоящему.

Мифологичность – своего рода «символический капитал места», особый шлейф легенды, связанной с указанным местом (в отношении Аркаима, как показывает проведенный нами массовый опрос, к подобным конструкциям отнесены «место силы», «прародина ариев», «родина Заратустры», «энергетический очаг Земли»). П. И. Ананченкова, осуществившая контент-анализ наиболее популярных «мест силы» (более 500 публикаций, посвященных религиозному туризму и паломничеству в Татарстане, Башкортостане, Хакасии, Карачаево-Черкессии, Якутии и Дагестане), отмечает: «Такие места вызывают у людей особые эмоции: страх, восторг, умиротворение. Свидетели отмечают, что присутствие в таком месте эмоционально очищает, вдохновляет, придает сил и очищает разум. Про такие места силы часто можно услышать, что это «намоленное место», информация о чудотворности подобных мест передается из уст в уста, и люди прибывают в них с верой в то, что именно в этом месте сбываются сокровенные желания, а искренние молитвы быстрее доходят до Бога» (Ананченкова, 2020, с. 91).

Нарративность – действенный ресурс порождения личностных рассказов об истории посещения места, воздействии этого посещения на жизнь человека: «Процесс нарративизации позволяет месту служить значимым фактором в построении, изменении и поддержании исторической и культурной памяти» (Трофимова, 2014, с. 214).

Потребность человека в посещении, а тем более устойчивости и регулярности контактов (как показали результаты проведенного нами исследования – 68,5% опрошенных респондентов указали на повторные, в том числе – ежегодные посещения Аркаима), как нам кажется, могут объясняться следующими обстоятельствами:

– потребностью выхода за пределы повседневно-обыденной рамки жизни, когда присутствие в месте, легитимно позиционируемом как «событие истории», оказывает проецирующее воздействие и на «событие собственной жизни», дает ресурс значимого впечатления;

– урбанистическим давлением, которое связывается с истощением психологического ресурса стрессоустойчивости и поискам «места силы» в природном ландшафте, овеянном памятью прошлого как истока жизни;

– «духовной миграцией» – конструированием «чуда» в сверхрациональном и технологическом мире, попыткой компенсировать нестабильность жизненных координат через прикосновение к «миру Духа» или же мистической и эзотерической интерпретации.

Список литературы

1. Алексеев, А. К., Иванова, В. В. (2012). Общее и особенное в практиках паломничества (Зийарат) в Турции и Центральной Азии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика*, (3), 72–81.

2. Ананченкова, П. И. (2020). Развитие молитвенного туризма в тюркских регионах Российской Федерации. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*, (3), 90–94. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-90-94>
3. Артамонова, Т. А. (2018). К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев). *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*, (1), 77–80. <https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>
4. Ваторопин, А. С., Костина, Н. Б., Подергина, Е. Е. (2017). Трансформация феномена паломничества в современном обществе. *Дискуссия*, (7), 54–62.
5. Виноградов, В. В. (2002). Почитаемые места: конец XX века. В Т. А. Бернштам, Ю. Ю. Шевченко (Ред., сост.), *Христианство в регионах мира* (с. 230–240). Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
6. Воронкова, Л. П. (2013). У истоков антропологии туризма: Виктор Тернер. *Российский научный журнал*, 1(32), 70–75.
7. Гусенова, Д. А. (2016). Антиномия сакрального и профанного в философском дискурсе: турист или паломник? *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 17, 105–112.
8. Житенев, С. Ю. (2010). Религиозное паломничество и межкультурные коммуникации. *Вестник Славянских культур*, (4), 13–25.
9. Загидуллина, М. В. (2017). Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации. В М. В. Загидуллина (Гл. ред.), *Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений (23–26 мая 2017 г., Аркаим)* (с. 38–67). Челябинск: Энциклопедия.
10. Каганский, В. Л. (2009). Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии. *Обсерватория культуры*, (1), 62–70.
11. Куприянова, Е. В. (2021). Современные механизмы формирования имиджа археологических памятников в общественном сознании с помощью СМИ (на примере поселения бронзового века Аркаим в Челябинской области). *Вестник культуры и искусств*, (2), 71–83.
12. Любимова, Г. В. (2021). Культовые и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 27, 806–811. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>
13. Нора, П. (1999). Между памятью и историей, проблематика мест. В П. Нора (Гл. ред.), *Франция-Память* (с. 17–50). Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
14. Сандыбаева, У. М., Альжанова, Г. М. (2019). «Места памяти» как культурный капитал региона: сакральный потенциал Баянаула. *Мир Большого Алтая*, 5(4), 630–647. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-4-629>

15. Тишков, В. А. (2004). Культурный смысл пространства. *Этнографическое обозрение*, (1), 14–31.
16. Трофимова, К. (2014). Конструирование священных мест в мультикультурной среде: пример святилища «Зайде Башче» в Нише (Сербия). *Государство, религия, церковь*, (2), 204–230.
17. Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, (1), 47–62.
18. Элиаде, М. (2001). *История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий*. Москва: Критерион.

References

1. Alekseev, A. K., & Ivanova, V. V. (2012). Obshchee i osobennoe v praktikakh palomnichestva (Ziyarat) v Turtsii i Tsentral'noy Azii [Common and distinctive features of islamic pilgrimage practices (ziyarat) in Central Asia and Turkey]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie i afrikanistika*, (3), 72–81.
2. Ananchenkova, P. I. (2020). Razvitie molitvennogo turizma v tyurkskikh regionakh Rossiyskoy Federatsii [Development of prayer tourism in the turkic regions of the Russian Federation]. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy)*, (3), 90–94. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-90-94>
3. Artamonova, T. A. (2018). K voprosu o palomnicheskom turizme (na primere Altaya i Gimalaev) [Revisiting the pilgrimage tourism (evidence from the Altai and the Himalayas)]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*, (1), 77–80. <https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>
4. Eliade, M. (2001). *Istoriya very i religioznykh idey. V 3 t. T. 1. Ot kamennogo veka do elevsinskikh misteriy* [A History of Religious Ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. Moscow: Kriterion.
5. Gusenova, Dz. A. (2016). Antinomiya sakral'nogo i profannogo v filosofskom diskurse: turist ili palomnik? [The Antinomy of the Sacred and the Profane in the Philosophical Discourse: a Tourist or a Pilgrim?]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*, 17, 105–112.
6. Hobsbawm, E. J. E. (2000). Izobretenie traditsiy [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii*, (1), 47–62.
7. Kaganskiy, V. L. (2009). Kul'turnyy landshaft: osnovnye kontseptsii v rossiyskoy geografii [Cultural landscape: basic concepts in russian geography]. *Observatoriya kul'tury*, (1), 62–70.
8. Kupriyanova, E. V. (2021). Sovremennyye mekhanizmy formirovaniya imidzha arkheologicheskikh pamyatnikov v obshchestvennom soznanii s pomoshch'yu SMI (na primere poseleniya bronzovogo veka Arkaim v Chelyabinskoy oblasti) [Modern Mechanisms of Forming the Image of

Archaeological Sites in the Public Consciousness with the Help of the Media (on the Example of Bronze Age Settlement Arkaim, Chelyabinsk Region)]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, (2), 71–83.

9. Lyubimova, G. V. (2021). Kul'tovye i memorial'nye mesta v sel'skikh landshaftakh Zapadnoy Sibiri: voprosy sootnosheniya i kollektivnoy pamyati [Cult and Memorial Sites in Rural Landscapes of Western Siberia: Correlation and Collective Memory Issues]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 27, 806–811. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>

10. Nora, P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriey, problematika mest [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. In P. Nora (Gen. ed.), *Frantsiya-Pamyat'* (pp. 17–50). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.

11. Sandybayeva, U. M., & Alzhanova, G. M. (2019). “Mesta pamyati” kak kul'turnyy kapital regiona: sakral'nyy potentsial Bayanau [“Memory Places” as Cultural Capital of the Region: Sacred Potential of Bayanau]. *Mir Bol'shogo Altaya*, 5(4), 630–647. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-4-629>

12. Tishkov, V. A. (2004). Kul'turnyy smysl prostranstva [The cultural meaning of the space]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 14–31.

13. Trofimova, K. (2014). Konstruirovanie svyashchennykh mest v mul'tikul'turnoy srede: primer svyatilishcha “Zayde Bashche” v Nishe (Serbiya) [Constructing Holy Spaces in Multicultural Milieu: the Case of “Zajde Bašće” Shrine in Nish (Serbia)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*, (2), 204–230.

14. Vatoropin, A. S., Kostina, N. B., & Podergina, E. E. (2017). Transformatsiya fenomena palomnichestva v sovremennom obshchestve [Pilgrimage phenomenon's transformation in the modern society]. *Diskussiya*, (7), 54–62.

15. Vinogradov, V. V. (2002). Pochitaemye mesta: konets XX veka [Revered places: the end of the twentieth century]. In T. A. Bernshtam, & Yu. Yu. Shevchenko (Eds., comp.), *Khristianstvo v regionakh mira* (pp. 230–240). St. Petersburg: MAE RAN.

16. Voronkova, L. P. (2013). U istokov antropologii turizma: Viktor Turner [At the origins of the anthropology of tourism: Victor Turner]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, 1(32), 70–75.

17. Zagidullina, M. V. (2017). Kak izmerit' populyarnost' Arkaima? Golosa vstroennykh metrik v kontekste teorii panmediatizatsii [How to measure the popularity of Arkaim? Voices of built-in metrics in the panmediatization theory context]. In M. V. Zagidullina (Gen. ed.), *Gorizonty tsivilizatsii: materialy Vos'mykh arkaimskikh chteniy* (23–26 maya 2017 g., Arkaim) (pp. 38–67). Chelyabinsk: Entsiklopediya.

18. Zhitenev, S. Yu. (2010). Religioznoe palomnichestvo i mezhkul'turnye kommunikatsii [Religious pilgrimage and intercultural communication]. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur*, (4), 13–25.

Информация об авторах

Людмила Борисовна Зубанова, доктор культурологии, профессор, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6081-5568>, e-mail: milazubanova@gmail.com

Наталья Львовна Зыховская, доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1697-2782>, e-mail: ladoga122@gmail.com

Мария Львовна Шуб, доктор культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

Information about the authors

Lyudmila Borisovna Zubanova, Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6081-5568>, e-mail: milazubanova@gmail.com

Natalia Lvovna Zykhovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1697-2782>, e-mail: ladoga122@gmail.com

Maria Lvovna Shub, Doctor of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru
